

ИВАН ЕГОРОВ

Егоров Иван Владимирович родился в 1971 году в г. Ленинграде. Окончил Самарский государственный медицинский университет. Член Союза российских писателей. Автор книг прозы «В сердце Леонского королевства», «Константа относительности», «Игра», Живёт в Тольятти.

ПИСЬМА

Здравствуйте, Тома, Володя и Андрюшка!

Получили от вас письмо и фотки, за которые большое спасибо. Деревенские вышли лучше всех, особенно дети в ромашках и рыбалка. В следующее лето хочу сделать такие же слайды. И вам, и нам.

О «Литературке»: подписка на неё в Тольятти уже закрыта — мы сами опоздали подписаться. Но у нас есть знакомая киоскёрша, у которой мы берём «64» (это здесь страшный дефицит), и если «Литературка» будет поступать в киоски, то мы без неё не останемся. Так что и вы заводите знакомства. Это не трудно. Почаще покупайте что-нибудь в одном и том же киоске, всегда здоровайтесь и о чём-либо говорите, а потом, когда вы уже будете постоянными покупателями, вам начнут откладывать нужные издания.

Теперь вношу ясность по посылке. Колготки — Андрюше на день рождения. Футболка — Володе на день рождения (надеемся, по размеру подошла). Ну а книги по договорённости: вы покупаете хорошие книги нам, а мы вам. Эти я посчитала хорошими, потому и купила.

Колготки у нас бывают каждый месяц, но я никак не могла заловить этот момент. В этом месяце мне, наконец, повезло — продавец сказала, когда надо приходиться, и я была в очереди второй. Давали по трое колготок каждого размера в руки. Я взяла Ване трое, Лизе трое (розовые, жёлтые и голубые двенадцатого размера) и могла

брата ещё трое четырнадцатого размера, который нам никому не нужен, но упростила продавца дать мне взамен их ещё одни двенадцатого и послала их вам. Взяла тёмные специально — светлые мальчишке ни к чему.

Пару слов о своём житье-бытье. Прошлый раз я писала, что Ваня болеет гриппом. После него заболела Лиза. Десять дней сидела с ней дома — без больничного, только на справке. «Везёт». Лиза выздоровела, отдали её снова няне, но на работу я не вышла — взяла отпуск за свой счёт и стала устраивать Ваню в садик. В итоге с 1 октября он у нас в садике. Называется «Красная гвоздика». Ходит с большим удовольствием. Правда, это чуть далековато от дома (восемь остановок на автобусе), но зато почти по пути на работу, так что кто-нибудь из нас с Вовушкой встаёт всего минут на сорок раньше, чем прежде.

Лиза говорит всё. Даже рассказывает отдельные строчки из стихов. Например: оторвали Мишке лапу (спрашивает меня: «Зачем?») и тому подобное. Всё, что просит, говорит: «Дай пожалуйста», — если не дают, пробует по-другому: «Дай на минутку». Ох и хитрая! Ваня научил её играть в войну и хоккей. Теперь она бегаёт по дому с ружьями и пистолетами, с клюшкой и шайбой, бросает бомбы и гранаты, стреляет, кричит: «Го-ол!». Красота.

Вовушку назначили ответственным за организованное участие нашего НИИ в ноябрьской демонстрации. Сидит сейчас на кровати, сочиняет лозунги. Догадался, что пишу про него, смотрит на меня и смеётся. Пойду ему помогать.

Мама приедет 4 ноября.

Ждём ответа. До свидания. Семья Авериных.

* * *

Бог ты мой! Анечка! Я шизею от этих строк.

Я говорю о письме моей матери, ксерокопию которого ты только что прочла. Ему двадцать пять лет и у меня сейчас таких семь десятков. За этот год я объездил пол-России и обобрал всех родственников. Какие-то писала мать, какие-то отец, какие-то оба сразу, а где-то и я вставлял корявые детские строчки. Словом, я собрал всё. Всё, что осталось. Разложил их в хронологическом порядке (было очень трудно — конверты со штемпелями не сохранились, а дату в самих письмах родители никогда не ставили) — получилось двенадцать лет: с семьдесят первого, когда я родился, по восемьдесят третий, когда они умерли. Двенадцать лет — целая жизнь. Маленькая счастливая жизнь маленькой счастливой семьи Авериных.

Иногда, когда вдруг выпадает у меня свободный вечер, я достаю все семьдесят и погружаюсь в них до утра. Сессии в Ленинградском университете, забавные истории с соседями по коммуналке, рождение сестры, переезд в Тольятти, рабочие будни и домашние хлопоты в новом, незнакомом городе, садики, школы, теннис, акробатика, отпуска, командировки — господи, это всё, Анечка, как живое. Я не читаю — я смеюсь и плачу. Я окунаюсь туда и ещё раз живу с ними эту маленькую счастливую жизнь.

* * *

Здравствуйте, Тома, Володя, Андрей и Алёшка!

Все никак не могу привыкнуть к прибавлению в вашей семье.

Спасибо за письмо и за кофе. Не могу удержаться — начну сразу с югов. Анапа — это детский курортный городок. Туда нам посоветовали ехать соседи, которые были там этим летом вместе с сыном.

Мы очень довольны поездкой. Всю дорогу до Тоннельной были в купе одни. Чудесно доехали. Половина вагона была пустая. В Тоннельной сошли полчетвёртого утра и тут же сели в «левый» автобус до Анапы. В городе на выходе из автобуса на

нас сразу нажились квартиросдатчики. Мы выбрали комнату недалеко от моря, правда, она была чуть подороже, но зато рядом с рынком, и ещё хозяйка разрешила нам пользоваться плитой сколько угодно, взяв лишь один рубль за газ за всё время. Готовили мы всегда сами — в столовки не ходили.

Ваня и Лиза из воды не вылазили: амфибии какие-то. А какой там пляж, Тома, если б ты знала! Дно стелется барханами. Идешь: по колено, по пояс, снова по колено, по грудь, по пояс, по шею, опять по колено — а уже на сто метров ушел. Ваня как узнал, что в такой дали и так мелко, сразу сказал: «Хочу туда». Лиза, разумеется, от него ни на шаг: «И меня ведите!» Так и водили с Вовушкой их в самую даль. Правильнее сказать — буксировали.

Забавный там с нами произошёл случай. Вовушка с детьми плескался на самой дальней мелкой точке, а я решила поплавать ещё дальше, в глубине. Отошла от них метров на двадцать, уже плыть собралась. Вдруг прямо перед моим носом из воды что-то большое и чёрное — рукой можно дотянуться. Я давай визжать и бегом назад к своим. А эти головорезы стоят там по колено, смотрят на меня и смеются. Старший-то ладно — только смеётся, а эти двое ещё и в ладоши от счастья хлопают. Оказалось, дельфины это были. Парочка. Дети первый раз живьем увидели. Я тоже.

В общем, мы очень довольны. Денег извели (вместе с дорогой) 400 рублей, включая сюда и то, что привезли с собой 20 кг винограда, персиков кг 3, гранатов кг 2, кизила кг 10 и очень много дынь и арбузов (в кг мне трудно выразить это, поскольку покупали мы их дорогой, а там продажа идёт штучно). Доехали назад тоже чудесно, через Волгоград и Саратов. Если бы знали, что так хорошо переседем в Сызрани, то купили бы всего вдвое больше.

А получилось так, что Ваня у нас в пути заболел — температура под сорок. С нами ехала врач, и она посоветовала не заявлять об этом проводнику, ибо ссадят с поезда без всяких разговоров. У неё был анальгин, и она всё время сбивала им Ванюшке температуру. В общем, к Сызрани все знали, что Ваня болеет, поэтому высаживал нас весь вагон. Вовушка за пять минут нашёл такси и подъехал прямо к поезду. За свой багаж мы даже не брались — всё уложили провожающие нас пассажиры. И на такси доехали прямо до подъезда.

Правда, дома заболела ещё и Лиза. В связи с этим, как раз, у нас к вам большая просьба. Когда детишки болели, им нужно было срочно делать уколы пенициллина. Но в аптеках его не было и нет. Через знакомых знакомых мы его всё-таки достали, но только с возвратом. Не сможете ли вы купить его у себя в Ленинграде? Рецепт я высылаю, он на 10 флаконов, но, если сможете, купите 20, так как мы должны отдать 12, а часть, на всякий случай, оставим у себя. Кстати, советую и вам иметь пенициллин на всякий случай. Растворитель для него — новокаин — у меня есть, покупать и высылать его не надо.

Ну, вот пока и все. Да, забыла — в Доме книги у нас бывают в продаже тома Большой Советской Энциклопедии (сейчас есть с 19 по 23, и 26). Надо вам? Цена одного 5 рублей 50 копеек.

До свидания. Пишите. Семья Авериных.

* * *

Если с момента последней нашей встречи ничего с тобой страшного не стряслось и ты у меня, Анечка, такая же умная, как и раньше, то, я уверен, это письмо ты читаешь в предложенной (и уложенной) мною последовательности. То есть вначале ты прочитала про колготки, потом всякую мою лирику, далее про Анапу, сейчас вот это, а к остальному ещё не прикасалась. Молодец, если так. Дело в том, что это очень

важно. Постарайся продолжать в том же духе, не забегай вперёд, а иначе у тебя со-
бьётся последовательность восприятия, и ты мне не поверишь.

Итак, мне медленно-медленно надо подготовить тебя, Анечка, кое к чему. Это самое
кое-что случилось со мной совсем недавно, и я пока никому о нём не рассказывал: ни
жене, ни друзьям, ни детям. Ты первая. Так что брось, если читаешь на ходу, все свои
дела и сядь куда-нибудь удобно и основательно.

Села? Настроилась? Тогда начнём. И запомни: каким бы невероятным тебе не по-
казалось то, что я напишу — все это правда. И я ещё не в дурдоме.

Следующий лист — письмо моего отца.

Читай.

* * *

Здоровеньки булы, родственники: Володя, Тома, Андрей и Алёшка!

Большой привет вам из Тольятти — просто огромный. Даже четыре. Всё тут у нас
восхитительно, за исключением, может, редких мелочей, но наше упрямое жизнелюбие
такими мелочами не испортить.

Например, стоит плохая погода, и на огороде ничего не растёт. Ну и бог с ним.
Танюшка, наверное, уже писала, что на пустыре за нашим НИИ начальство выделило
нам за активную комсомольскую деятельность небольшой участок земли. Мы гордо
называем его «наш огород». Несмотря на его скромные размеры, насажали мы там
все же изрядно: картошку, морковь, зелень, помидоры, огурцы, тыкву, подсолнухи,
горох, дыню и даже один арбуз (Ваня нашёл где-то завалившееся зёрнышко и соб-
ственноручно закопал в землю). Каждый обед наведываемся считать листики. Знаем,
что мало, но всё равно приятно — своё, родное.

Ваня ходит у нас теперь в секцию фигурного катания. Немного напрягает, что
я часто бываю в командировках, и тогда Танюшке становится трудновато его водить,
но ничего — скоро уже вырастет и будет ходить сам. Навыками личной гигиены он
уже овладел: каждое утро, прежде чем идти в садик, сам просит меня или Танюшку
проверить ему уши — не грязные ли. В новый садик он ходит уже самостоятельно.
Это минут десять ходьбы от дома, и проезжие части пересекать не надо, так что мы
не волнуемся.

По вечерам продолжаем посещать курсы немецкого. Как и прежде, ходим с Танюш-
кой по очереди (второй сидит с детьми), а потом рассказываем друг другу, что было на
занятиях и какое дали домашнее задание. Даже не смотря на пропуски, мы занимаемся
лучше всех, и преподаватели закрывают на наши прогулы глаза.

Да, Тома, ты, если сможешь, купи Танюшке брюки летом. С 1 сентября будет подо-
ржание на изделия из натуральных продуктов, так что шерстяные брюки, естественно,
будут стоить дороже. Высылать же можешь не торопиться — отправишь, как будет
свободно со временем.

Пенициллин можешь уже не покупать, у нас его теперь полно — мы вам сами при-
шлём. С ним вышла удивительная и таинственная история. Слушайте.

Как вы знаете, мы в течение полугода не могли этот самый пенициллин нигде
найти и, разумеется, никак не могли рассчитаться с долгом. Было очень неудобно,
хотя знакомые знакомых нас не подгоняли — видимо, понимали, что мы не на-
рочно. Просто не можем. И тут вдруг, как на грех, внезапно заболела Лиза. Опять
бронхит и опять высоченная температура. Врач в поликлинике сказала, что не-
пременно надо колоть пенициллин и снова выписала рецепт. Только толку-то от
рецепта, если в аптеках пусто. Я шёл по коридору поликлиники к гардеробу, нёс на
руках грустную мою дочку и туманно думал, что же делать дальше. Вдруг впереди

я увидел врача — мужчину лет тридцати в белом халате. Он стоял с большой тряпичной сумкой в руках и смотрел на меня. Было такое ощущение, что я ужасно много раз его встречал раньше, только вот никак не мог понять — где. Ещё я почему-то сразу понял, что ждёт он именно меня. И ещё, что самое интересное и загадочное, и что я никак не могу объяснить, я почему-то сразу перестал волноваться за Лизу. Мистика прямо какая-то.

— Все будет хорошо, не волнуйтесь, — сказал он, потом протянул мне сумку и добавил: — Здесь пенициллин. Это вам от профкома. До свидания.

Вежливо, за локоть, он подтолкнул меня к гардеробу, а сам ушёл по коридору туда, откуда пришёл я.

Всю дорогу до дома я шёл как обалдевший. Обалдевший и радостный. В сумке было двести флаконов! Я смотрел в этот вечер, как Танюшка делает Лизе первый укол, какая она спокойная и уверенная, что иначе и быть не могло, как рада, что помогает этому горячему маленькому созданию, как довольна, что есть у неё такой вот муж — одним словом, я смотрел и ощущал себя самым счастливым отцом и мужем в мире.

Даже Лиза понимала, какой это чудесный вечер, поэтому в процессе получения укола не плакала, а на вопрос, почему ты не плачешь, ответила:

— Я гыга. Я терплю.

Кто такие гыги, мы пока ещё окончательно не выяснили (Лиза их сама выдумала), но, видимо, существа во всех отношениях положительные. И ещё оказалось, что гыги быстро выздоравливают.

С книгами мы вам отправили 20 флаконов. На всякий случай. На всех был стёрт срок годности, но вы не переживайте — пенициллин хороший. Я уверен.

Того врача в поликлинике я не нашёл. Среди медперсонала там оказалось всего четверо мужчин и всем за пятьдесят. Я почему-то чувствовал, что так и будет. Хотя есть у меня и другое чувство: уверен, что мы с ним обязательно ещё встретимся.

Вот вроде и все новости.

До свидания. Пишите. Семья Авериных.

* * *

Я надеюсь, ты все уже поняла, Анечка.

Да, это был я. Надо же было помочь отцу. Вот, помог. Что тут необычного...

Ох, Анечка, Анечка! Если бы ты знала, что творится в моей голове — какие противоположные крайности умудряются одновременно сосуществовать в одном обыкновенном сознании.

Я не жалуясь, нет. Наоборот, я безумно доволен всем этим. С одной стороны, оказалось, что порядок вещей в этом мире неизмеримо сложнее, чем я думал (помоему, в нём вообще нет никакого порядка). С другой — всё, оказывается, так просто. Стоит только захотеть, Анечка. Очень сильно захотеть. Очень. И всё будет так, как ты захочешь.

Я уже писал тебе, что засиживался в родительских письмах до утра. Я до того увлекался их чтением, что переставал воспринимать окружающий мир и начинал жить с ними: с отцом, с матерью, с моей маленькой младшей сестрёнкой, с самим собой — шалопаем. Раз за разом больше, раз за разом глубже, пока в одну из таких читок я вдруг не ощутил, что вовсе, Анечка, я уже не читаю, что я хожу, дышу, смотрю и вижу в том нашем мире. По полной программе. Щурюсь от солнца. Укрываюсь от дождя. На девушек засматриваюсь. Одеты они по-чуждому — но всё равно красивые. Родители — вот они, рядом. Живые, молодые, счастливые. Я не вмешиваюсь — просто люблюсь. Хорошо.

А потом в том месте больно мне за отца стало. Письмо-то раньше другим было. Не нашёл он пенициллина — шёл домой и плакал. Без звука, без слёз — чтобы Лиза не видела — но всё равно плакал. Никогда: ни раньше, ни позже — больше у него такого не было. В любой беде не то что терпел, наоборот — смеялся. Разве это беда, говорил — так, мелочи. Прорвёмся. А тут не смог — не от боли, от бессилия. Как войти в дом, что сказать жене, как объяснить уже всё понимающему сыну, чем помочь дочери. И ведь ничего, ничего нельзя сделать. Развитой социализм хренов.

Я раз с ним вместе прошёл, два. А потом не вытерпел — потом пошёл в аптеку, что с торца моего дома, взял двести флаконов (больше там не было), стёр сроки годности, сумку раскопал в кладовке, чтоб к тому времени подходила, надел белый халат медицинский и сел читать письма.

Утром дети мимо пробегали (в индейцев играли) — ты чего, говорят, папа, в халате белом спишь. Жена заглядывает — тоже смеётся. Надо, говорю, так. Смотрю: сумки нет, письма по кровати разбросаны. Нашёл нужное, читаю — всё в порядке. Начало такое же, как было, а конец уже мой — про меня то есть и по-моему. Что, думаю, гады? Выкусили? Обалдеть просто, Анечка.

С тех пор пока больше не вмешиваюсь. Хожу рядом. Чего мешать — всё там у них прекрасно. Всё замечательно. И ты не думай, я это не так уж и часто: два, три раза в месяц — не больше. Потому как самому жить хочется, своих дел по горло, жена у меня чудо, дети — словами не выразить, и вообще, всё у меня тоже замечательно. Ничем не хуже, чем у той моей семьи Авериных.

Иногда, Анечка, я думаю, что я уже умер. Там, где-то. В будущем. Как умерли мои родители. Но оказалось, что живут. Живут в прошлом, нашем с тобой прошлом. Но для них это самое что ни на есть настоящее. Живут они там себе и радуются.

Так и я. Живу. Работаю. Люблю. Радуюсь. И ещё, Анечка, теперь я абсолютно уверен, что случись в моей жизни какая-либо беда — мне помогут. Возможно, это будет молодой мужчина с очень знакомым мне лицом, хотя не исключено, что будет это ничуть не менее знакомая красивая молодая женщина.

Надеюсь, у меня и ещё будут дети.

Вот, наверное, и всё, девочка, что я хотел тебе сегодня поведать.

До свидания. Пиши. Немножко твой Иван Аверин